

*«Народ смотрел
на почившего Государя,
как на святого»*

(Дневник попечителя
Казанского учебного округа
П. Д. Шестакова)

В отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета сохранился дневник попечителя Казанского учебного округа Петра Дмитриевича Шестакова. Несмотря на то, что почерк П. Д. Шестакова неразборчив, нам удалось прочитать часть воспоминаний.

В рукописи отражена история Казанского края 1881-1882 гг. Есть также сюжеты, касающиеся Российской империи в целом. Среди всех событий выделяется гибель Александра II и вступление Александра III на престол.

Консервативные шаги правительства, усиление репрессий со стороны полиции, особенно в отношении практики «хождения в народ» вызвали волну возмущений, инициировали террористическую деятельность, которая в дальнейшем приняла массовый характер. В 1879 г. исполнительный комитет «Народной воли» вынес смертный приговор императору, и с этого момента началась настоящая «охо-

та» на Александра II. Многие попытки террористов заканчивались неудачами. Но бомба, брошенная под ноги императора 1 марта 1881 г., оказалась смертельной. Революционные организации с помощью террористических действий стремились поднять крестьян на революцию, но безуспешно, ввиду массовых царистских иллюзий. П. Д. Шестаков осуждает террористов, оправдывает политику Александра II, высвечивая роль некоторых государственных деятелей в жизни России того времени.

Эта часть дневника сохранилась на 48 тетрадных листах, которые написаны черными чернилами и переписаны рукой неизвестного.

Сохранился и оригинал текста об Александре II, написанный рукой П. Д. Шестакова*. Несмотря на сложность почерка для чтения, авторство Шестакова не вызывает сомнения. К этим выводам нас привел стилистический и почерковый анализ дру-

* ОРРК НБЛ К(П)ФУ, ф. 21, ед. хр. 7620 (5), л. 1064-1086.

гих документов личного происхождения, а именно писем Петра Дмитриевича жене, министрам, черновиков его работ, хранящихся в ОРРК НБЛ К(П)ФУ и Национальном архиве РТ, а также опубликованной в «Волжском вестнике» и «Русской старине» при жизни части дневника, которые соответствуют записям в указанной рукописи.

Переписанная рукой неизвестного часть дневника имеет некоторые пропуски. Например, на листах 1064, 1069 и 1070 оригинала опущены первые абзацы. В переписанной части пропуск на листе 1070 обозначен литерой Z. На листах 20-20 об. переписанной части имеется вставка в виде обращения к студентам, которой нет в оригинале.

Из дневника П. Д. Шестакова

1881 г.

6 ноября. Вчера вечером сидел у меня князь Дабижа*, приехавший устраивать порядок в Родионовский институт, где все расстроилось при новой начальнице. Потолковали мы с ним о лицах, на которых можно остановиться, как на кандидатах в члены по учебной части института, об учителях, и под конец он стал рассказывать о страшном дне 1 марта и о нетерпеливом настроении: «Сижу я 1 марта в кабинете (живу на Литейном) и вдруг слышу точно два выстрела. Посмотрел невнимательно на часы, мне показалось 12 часов, думаю, что полуденные пушечные выстрелы, но посмотрев еще раз на часы, я увидел, что гораздо позднее, и задумался, что это за выстрелы. Выхожу к швейцару, на нем лица нет, я спросил: «Что ты?» — «Ваше сиятельство, Государя ранили». — «Где?» — «Говорят манеж взорвали». Я тотчас стал одеваться. Одевшись, я взял извозчика и спрашиваю его: «Где ранили Государя?» — «Да говорят в манеже, манеж взорвали».

Я велел ехать к манежу, подъехали, все цело, говорю: «Где же?» — «А вот туда поедем, куда народ бежит». Подъехали за толпой и проехали к месту, которое было оцеплено войсками, и где стояла масса народа. Видя, что тут ничего не узнаешь, я велел ехать к Зимнему дворцу. Только что я из-под арки въехал на площадь Зимнего дворца и увидел несметную толпу народа, стражились по дворцу отовсюду и выстраивались перед дворцом. Так как это был Антонинин день, и мне нужно было поздравить с ангелом Антонину Дмитриевну Блудову**, жившую во дворце, то я и велел извозчику ехать к тому подъезду, где она жила. Войдя в подъезд, я спросил у полицейского офицера, принимает ли Антонина Дмитриевна Блудова, он ответил мне: «Едва ли теперь примет». В голосе его слышались слезы, я взглянул на него, он плачет, я спрашиваю, что случилось. Он говорит полупшепотом: «Государь скончался, но еще не объявлено». Это поразило меня. Я сказал извозчику, чтобы он подъехал к дворцовому подъезду, там стояло много генералов и придворных, между которыми были знакомые, я подошел к ним. Из ворот дворца выезжает карета, в ней сидит великий князь Константин Николаевич*** бледный. Мы подскочили к его карете спрашиваем: «Что Государь?» Он отвечает: «Молитесь об упокоении души его, скончался». Когда через несколько минут народ, стоявший на площади услышал эту весть, вся площадь огласилась рыданием. Это было потрясающее зрелище. Во дворце, как мне рассказывало одно лицо, присутствующее при кончине, происходило следующее.

Принесенного во дворец израненного и уже бесчувственного Государя положили на походную кровать и стали употреблять все медицинские средства, чтобы остановить кровь и привести Государя в чувства. В комнате собралась вся царская фамилия и некоторые приближенные, все стояли в совершенном молчании, сдерживая рыдания. Княгиня Юрьевская**** стояла близ постели с детьми, которых она подвела к умирающему, и положила его руку на их головы, лейб-доктор Боткин***** держал свою руку на груди Госуда-

* Дабижа Василий Дмитриевич (1823-1902) — князь, помощник попечителя Одесского учебного округа, действительный статский советник (здесь и далее подстрочные примечания автора вступительной статьи).

** Блудова Антонина Дмитриевна — графиня, писательница, благотворительница, с 1863 г. камер-фрейлина.

*** Константин Николаевич Романов (1827-1892) — великий князь, брат Александра II, глава морского ведомства, председатель Государственного совета. Один из вождей либеральной бюрократии. В 1881 г. был уволен в отставку.

**** Екатерина Михайловна Долгорукова (1847-1922) — княгиня; после брака с императором в 1880 г. получила титул светлейшей княгини Юрьевской. После 1881 г. жила за границей.

***** Боткин Сергей Петрович (1832-1889) — русский врач-терапевт и общественный деятель. Профессор Медико-хирургической академии (1861). Участник Крымской (1855) и русско-турецкой (1877) войн.

ря и считал биение сердца. Но вот он отнимает руку и обращаясь к присутствующим говорит: «Все кончено». Оглушительные рыдания были ответом на эти слова, кто прислонившись к косяку двери, кто к окнам, кто к стене. Но вдруг послышались три пронзительно громких стоны Государя, и все смолкло и бросилось к постели, Боткин остановил всех словами: «Не смущайтесь, Государь не жив, это воздух вышел из легких с таким шумом».

Когда я, проехав Дворцовую площадь, приближался к аркам, послышались крики: «Хватайте их, вот они разбойники», и толпа бросилась за кем-то, поймала каких-то молодых людей, по словам толпы, студентов, которые во время общего рыдания сказали: «Поделом ему, это для вашей пользы сделали ваши благодетели». «Разбойники, на фонарь их» и вздернули бы, если полиция не отняла, сказав, что их нужно арестовать, чтобы узнать сообщников.

Мне хотелось видеть тело Государя, и через несколько часов я приехал во дворец, вошел и встретил генерал-адъютанта, которому и сказал, что мне бы хотелось видеть тело. — «Я вас провожу, пойдемте». Пришли, тело Государя лежит посередине комнаты, на постели слева, у которого священник читает Евангелие, справа художник снимает изображение покойного. Лицо Государя во многих местах в язвах, правая рука изувечена, Государь одет в мундир, ноги покрыты сверху шинелью, на груди образок в виде медальона. Также покойно и кротко выражение лица, как и у живого.

На другой день мы все явились во дворец на большой выход. Громадные залы дворца были полны, блистали от золотых расшитых мундиров, все имело праздничный вид. А в другой комнате лежало тело убитого. Государь* с Государыней** одетые парадно, вышли с лицами заплаканными до того, что даже опухли. Государь, видимо, удерживал слезы и кусал губы, когда царственная чета прошла первую залу, где собрались чины первых трех классов, и вошла в кавалергардскую, мы двинулись за ней. Дойдя до середины кавалергардской залы, Государь остановился и обратился к присутствующим: «Господа, я надеюсь, что вы будете служить мне с той же нынешней верностью, с какой служили моему покойному родителю». Он остановился, не мог одолеть волнение и крупные слезы брызнули из глаз, видно, что он хотел продолжать, но не мог.

Оглушительное, восторженное «ура» прокатилось по залам. Народ смотрел на почившего Государя, как на святого. Ехал я во дворец на одну из панихид вечерних (в 9 часов), извозчик, обращаясь ко мне: «Барин, смотрите-кась, над дворцом-то что?» Посмотрел я, вижу яркий свет. — «Это, барин, святая душенька Государя как светится, никогда этого не видывали».

Уже на пятый день после кончины Государя шансы графа Лорис-Меликова*** колебались. Граф еще покойному Государю представил записку, начинавшуюся словами: «Крамола уничтожена», и предлагал довершить начатые преобразования дарованием конституции. Государь принял эту записку спокойно, тогда как за 6 месяцев до того, когда кто-то из приближенных сказал ему о необходимости конституции, Государь ответил: «Это твои слова или другого какого-либо дурака?»

После такого ответа, никто о конституции ни слова. Но записку Лорис-Меликова Государь принял и передал на просмотр наследнику. Когда Государь скончался, К. П. Победоносцев**** предложил Александру Александровичу обсудить записку графа Лорис-Меликова в совете. Под председательством Государя собрались члены Государственного совета. Государь повелел читать записку. Только что были прочитаны первые слова, начался шум, и К. П. Победоносцев сказал сильное слово, в котором выразился, что так писать мог только человек или желающий вреда России, или совершенно ее не знающий. После этого заседания граф Лорис-Меликов подал в отставку. Государь не принял просьбы, сказав, что теперь не время выходить. Лорис-Меликов со своими партизанами не успокоился, они начали приготавливать манифест о конституции, в этом принима-

* Александр III.

** Мария Федоровна.

*** Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825-1889) — граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. руководил Закавказским фронтом. В 1879 г. — временный астраханский, самарский и саратовский генерал-губернатор, затем временный харьковский генерал-губернатор. В феврале — августе 1880 г. — начальник Верховной распорядительной комиссии, с августа 1880 г. — министр внутренних дел, с мая 1881 г. в отставке.

**** Победоносцев Константин Петрович (1827-1907) — юрист, действительный тайный советник. В 1880-1905 гг. занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода, с 1872 г. член Государственного совета, почетный член Императорской Академии наук (1880).

ли, говорят, участие граф Лорис-Меликов, Милютин*, министр финансов Абаза**, министр юстиции Набоков***, Игнатьев****. Их совещания были известны Государю. И вот когда они назначили вечером для окончательной редакции изготовленного ими к подписи Государя конституционного манифеста, Государь накануне этого дня пригласил К. П. Победоносцева и сказал ему: «Теперь пора и нам написать манифест». Манифест был написан, призван министр юстиции Набоков, и ему повелено принять меры к немедленному обнаружению манифеста. Между тем в назначенный день собрались все в храм Набокова, гневаясь, что его нет, хотят уже начинать без него, но, наконец, он является и представляет собранию корректуру манифеста, написанного в кабинете государя. Когда прочтен был этот манифест, граф Лорис-Меликов объявляет, что после этого он оставит министерский пост, что он выходит в отставку, некоторые говорят за ним «и я, и я», послышался голос: «Мы все должны выйти», но граф Игнатьев возражает: «Зачем же все-все, я остаюсь, нужно каждому представить действительность, как ему угодно». Граф Лорис-Меликов вышел в отставку, а граф Игнатьев заслужил его место.

И. Д. Делянов***** с самого вступления графа Лорис-Меликова во власть отзывался о нем как о шарлатане и говорил: «Посмотрите, он бед наделает!» Тоже самое он повторил и Государыне-императрице, когда она спросила у него откровенного мнения о графе Лорис-Меликове, уже после выхода в отставку.

Семейная жизнь настоящего государя образцовая и, говорят, раз он сказал своим приближенным: «Я высоко ставлю нравственность, вы видите, как я отношусь к своей семье и как смотрю на семейные узы. Мне хотелось бы, чтобы народ видел, что среди моих приближенных нет людей безнравственных».

Государь тщательно охраняется теперь и полицией, и священной дружиной, которая действительно существует.

15 ноября. *Sic transit gloria mundi* (Так преходяща слава мира сего). Профессор Шепляевский говорил мне вчера на мой вопрос о графе Лорис-Меликове: «Он совсем пал, в мае месяце его управление в Петербурге называли диктатурой сердца, а в сентябре его звали иродом». [...]

Опять покушение, хотя и неудавшееся, стреляли в генерала Черевина, прилагается телеграмма. Неужели, это начало новых покушений. Теперь говорят, самая большая сила граф Воронцов-Дашков*****, товарищ и друг детских игр нынешнего Государя, когда он еще был великим князем, не наследником.

17 ноября. Говорят в настоящее время оживило славянофильство, стремление возвратиться, по возможности, конечно, к чисто русскому направлению жизни. Говорят, что помышляют о замене иностранных придворных титулов чисто русскими, о замене перенятой с запада одежды национальной. Возвращение нам бороды, которую так усердно сбривал великий преобразователь России, отчасти говорит о возврате к старому, но в какой степени совершился этот возврат, вот вопрос и весьма существенный. Как в отражении этого своего прошлого и в слишком сильном подражании чужому утратилось немало добрых исконно русских особенностей, так и в слишком быстром повороте налево кругом может затеряться много дорогих приобретений, которым мы бесспорно обязаны европейской культуре.

11 декабря. Бывший у меня вчера вечером князь Дабига, рассказал мне весьма инте-

* Милютин Дмитрий Алексеевич (1816-1912) — граф, генерал-фельдмаршал. В 1861-1881 гг. военный министр. Один из лидеров либеральной бюрократии. В 1860-1870 гг. провел серию военных реформ. Поддерживал Лорис-Меликова. С 1881 г. в отставке.

** Абаза Александр Агеевич (1821-1895) — российский государственный деятель. Занимал должности государственного контролера и министра финансов Российской империи. Гофмейстер, почетный член Петербургской Академии наук (1876).

*** Набоков Дмитрий Николаевич (1826-1904) — российский государственный деятель, министр юстиции России (1878-1885).

**** Игнатьев Николай Павлович (1832-1908) — граф, российский государственный деятель, дипломат-панславист, генерал от инфантерии, генерал-адъютант.

***** Делянов Иван Давыдович (1818-1897) — граф, государственный деятель, камергер Двора Его Императорского Величества, статс-секретарь, в 1861-1882 гг. директор Публичной библиотеки, действительный тайный советник, член Государственного Совета. С 16 марта 1882 г. министр народного просвещения.

***** Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837-1916) — граф, государственный и военный деятель, министр императорского двора и уделов (1881-1897), наместник на Кавказе (1905-1916). Будучи другом Александра III, после убийства его отца организовал так называемую священную дружину (1881).

ресные подробности об одном из преступников катастрофы 1 марта Желябове*. Желябова знал лично князь Дабижа, когда тот был еще в Керченской гимназии. Это был, по словам Дабижа, мальчик бедный, кроткий и способный.

Он окончил в Керченской гимназии курс с золотой медалью и поступил в Одесский университет. На первом же курсе с Желябовым случилось такое происшествие. Сидел он на лекции профессора [...]**, опершись в стол локтями и уткнув голову в руки. Профессору эта поза студента не понравилась, и он обратился с такими словами: «Если вы пришли на лекции спать, так лучше уходите!»

Желябов без всякого возражения вышел из аудитории. После лекции товарищи напали на Желябова, зачем он послушался профессора, говорили, что это первый случай в университете изгнания студента профессором из университета. Что следует потребовать от [профессора], чтобы он извинился перед студентами, так как изгнанием Желябова из аудитории он оскорбил не его одного, а всех студентов.

[...] Все собрались для выслушания извинения профессора. Но ректор и прочие профессора, узнав о желании [профессора] извиниться, стали ему говорить, что этого делать не следует, что это весьма важный прецедент, который поставит профессоров в фальшивое положение к студентам, и требовали, чтобы он этого не делал.

Собравшиеся студенты ждут [профессора], он не идет, студенты поднимают шум, кричат: «Что же он шутит с нами, мы его выкинем в окно, если он не придет». Начинаются ссоры, истории, демонстрации профессорам. Попечитель Голубцов*** телеграфировал министру о необходимости временного закрытия университета. Университет закрывают на три дня, суд судит студентов и по постановлению суда 4-х студентов (в числе их Желябов) удаляют из Одесского университета с правом поступления немедленного в другой университет. Трое из удаленных вместе с Желябовым, имевшие средства, тотчас же поступили в другой университет, и теперь занимают хорошие места (один — председатель окружного суда), а Желябов не имел средств, [...] и пошел в учителя приходского училища, потом сиротского дома, попал в дурное общество и пропал. И из юноши скромного, способного, многообещающего, сделался преступником, и как злодей, принимавший деятельное участие в злодействе 1 марта, был повешен.

[...] По телеграмме: «Известные руководители и главные участники кружка террористов частью осуждены, частью задержаны и подлежат суду; последних 25 человек из них 23 по Высочайшему повелению предаются суду особого присутствия Сената, с участием сословных представителей. О двух остальных еще производится расследование.

Эта телеграмма, приносящая, по-видимому, редкостное известие, возбуждает тревогу, потому что напоминает слова графа Лорис-Меликова: «Крамола уничтожена», сказанные чуть не накануне катастрофы 1 марта. Если известные руководители и главные участники пойманы, то откуда же идут прокламации, вызывающие к бунту, кто содержит типографию «Народной Воли», и где работает эта типография, рассылающая надмерные****, возмутительные листки? Каждый русский, желающий покоя и блага Родине, от души желает, чтобы руководители были обнаружены, изловлены и преданы заслуженной каре, но до сих пор мы видели на скамье подсудимых такие ничтожные личности, которые ни руководителями, ни главными участниками названы быть не могут, это, скорее, сбита с пути молодежь, сделавшаяся дерзким, но сильным орудием в руках вожаков, которые, вероятно, обладают и влиянием, и средствами, требующимися для исполнения убийственных замыслов [...].

ОРРК НБЛ К(П)ФУ, ф. 21, ед. хр. 7620 (5), л. 1-48.

Публикацию подготовила
Илиза Каримова,
аспирантка Института Татарской энциклопедии АН РТ

* Желябов Андрей Иванович (1851-1881) — революционер-народник, член Исполнительного комитета «Народной воли», один из организаторов убийства императора Александра II.

** Фамилия написана неразборчиво.

*** Голубцов Сергей Платонович (1815-1888) — попечитель Киевского учебного округа.

**** Так в документе.

